

МИХАИЛ МИЛЛАН



СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Миллан

Буран 2.0

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49790932

SelfPub; 2020

Аннотация

Открывая глаза с утра, мы, как правило, видим привычную картину нашего с вами мира: комната, дом, улица, люди, которые окружают нас, и события, происходящие с нами по нашей воле или же вопреки ей. Но обычно никто не задается главным вопросом: действительно ли наши глаза открыты?.. Роман о мире, где привычные вещи приобретают совершенно иной смысл, где всё не то, чем кажется на первый взгляд, и о человеке, по воле случая ставшем игрушкой в руках мироздания. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1.	4
2.	14
3.	17
4.	20
5.	25
6.	36
7.	42
8.	45
9.	52
10.	61
11.	63
12.	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

1.

«Останови, я быстро... – попросил Ю.А. Гагарин водителя автобуса по дороге на Байконур. Вернувшись в салон, он махнул рукой: – Поехали!»

(Из воспоминаний участников подготовки первого в мире космического полёта с человеком на борту. 12 апреля 1961 года).

Сначала не было ничего. Ни верха, ни низа, ни права, ни лева – ничего. Отсутствовало время, не было пространства и света. Чёрное, густое и бесконечное небытие. Потом среди этого небытия проявился шум – невнятный, но назойливый, как комар ночью. И этот едва слышимый звук запустил время – медленное, тягучее и неотвратимое. Корявыми толчками потекло оно, как густая кровь сквозь чёрную мглу. Лишь больные оранжевые точки бродили во мгле кругами, прорезаемые зелёными молниями. И каждая молния ритмично стучала по гигантскому пространству внутри чего-то (пожалуй, головы), а этот оранжево-зелёный рой, особенно когда он крутился против часовой стрелки, вызывал в ней состояние, чётко определяемое как тошнота. Сознание мало-помалу возвращалось. «Чтоб не стошнить, надо бы сесть и обхватить голову руками, – вспоминая предыдущий опыт, решило сознание, – и хорошо бы чего-нибудь попить». Но руки и

ноги не двигались, а определить, что с ними, а также где верх и где низ, не получалось. Сознание сглотнуло пересохшим ртом несуществующую слюну и попыталось приподнять веки.

Какой-то женский голос по-английски, с нотками сарказма, произнёс:

– Oh boy, someone've woken up? (Кто тут у нас проснулся?)

Сознание вспомнило своё имя, но не знало английского, и по-русски, едва шевеля губами, спросило:

– Где я? – поводило оно мутным взором по сторонам, пока взор не сфокусировался на источнике звука. Им оказалась девушка в белом комбинезоне с надписью «USA» и американским флажком на рукаве. Девушка с любопытством, но слегка насторожённо разглядывала приходящее в себя тело. Её волосы – светлые, забранные на затылке в тугой хвост – странным образом не хотели спадать, как им положено, вниз и стлались сами по себе как придётся, явно не желая подчиняться закону всемирного тяготения. Да и сама девушка не очень-то ему подчинялась – плавала в воздухе, как будто так и надо, лишь придерживаясь двумя пальцами за какой-то поручень. Телу, прилагавшемуся к сознанию, было так плохо, что сознание решило оставить разъяснение этого феномена на потом. А девушка с лёгкой издёвкой в голосе ответила по-английски:

– I'd tell you where you are, but only in Russian and in rhyme. (Я бы тебе ответила где, но только по-русски и в рифму.) –

И, смягчив тон, продолжила уже по-русски, с небольшим, но с характерным для англоязычных людей акцентом:

– Ты на МКС.

Человека (уже человека!), почему-то связанного по рукам и ногам и подвешенного, как воздушный шарик, слегка покачивало в несильном, но непрерывном потоке воздуха. Ощущение было неприятное – как будто подняли за ноги, потом уронили вниз головой, а ты падаешь и вот-вот треснешься башкой о какую-нибудь твердь, а башка и так раскалывается! И он, с трудом подавив очередной приступ тошноты, недоверчиво переспросил:

– Где?

Девушка тяжело вздохнула и повторила:

– На международный космический стэйшн.

За спиной человека – смотровой купол с большими иллюминаторами. В иллюминаторах – абсолютная чернота, плавно переходящая в голубую с белыми разводами облаков планеты. Человек попытался сопоставить реальность с последними доступными воспоминаниями, но у него ничего не вышло.

– Поставьте меня на пол, меня щас стошнит!

В ответ американка сказала громко и с раздражением:

– Здесь нет пола, нет потолка, здесь не-ве-со-мость! Will puke – will clean up. Will chase for every drop! (Наблюешь – будешь убирать. За каждой капелькой будешь гоняться!)

Человек, который знал по-английски всего несколько

слов, ничего не понял из этой тирады и, чтоб как-то отреагировать, показал на свои связанные руки:

– А чего связан-то?

– You've had in appropriate behavior. (У вас было неадекватное поведение.) – И по-русски добавила: – Буянил. Пришлось применить меры.

– Понял, – ничуть не удивился человек, – теперь-то развяжи.

– Наружу не будешь больше рваться?

– Не-е.

– О'кей. – Девушка ловко подплыла и освободила ему от ремней руки и ноги. Тот немедленно вцепился руками в поручень, которых на стенах было предостаточно. Потому что его мозг инстинктивно решил, что держаться за поверхность – неважно какую – куда безопаснее, чем просто беспомощно висеть в пространстве.

– Держи! – Девушка извлекла откуда-то бутылку с пивом и рассчитанным движением послала её страдальцу. Медленно и замысловато вращаясь, спасительный снаряд нашёл цель. Похмельный человек нетерпеливо поймал её, открыл по привычке зубами и попытался пить. Получилось не очень – из бутылки лезла пена, но пиво выливаться не хотело.

Девушка не выдержала:

– You're a moron (придурок), – ты в невесомости! – И протянула ему трубочку для коктейля. Человек тупо посмотрел перед собой – сначала на бутылку, потом на трубочку, по-

том, недоумённо, на девушку. У девушки на лице выражение: «Просто невероятный идиот!». Она жестами показала, что надо сунуть трубку в бутылку, пить, – и всё получится. Человек пожал плечами, последовал совету – и у него всё получилось. Похмелье понемногу стало отступать.

– Пиво-то откуда?

– Ваши русские оставили, когда улетали, – у них обычай такой есть. Типа, подарок для следующего экипажа. Видишь – пригодилось.

Человек понимающе кивнул, присосался к трубочке и вдруг обратил внимание, что девушка без обуви, на ногах у неё белые носочки. Перевёл взгляд на свои ноги – он тоже без обуви, но носки чёрные и в дырках. Смущаясь этих дырок, спросил:

– А где?..

– Твоя обувь была очень грязной – я её убрала.

– А сама?

– Здесь обувь не нужна – ходить практически не приходится. Только если на беговом тренажёре.

Астронавтка оттолкнулась от поручня и плавно переместилась в смотровую полусферу с большими иллюминаторами. Поманила рукой:

– Сюда иди.

Человек, послушно и уже немного освоившись, неловко перебираясь от поручня к поручню, потому что пиво выпустить из рук нельзя, а рук всего две, подобрался к иллюмини-

натору. За прозрачным стеклом параллельным курсом шёл ещё один космический аппарат. По периметру и на крыльях солнечных батарей он весь призывно мигал разноцветными огоньками. Вдоль борта шла надпись: «ШАУРМА 24». «Жесть! Ни хера себе глюки с бодунища...» Зажмурил глаза и потряс головой – морок исчез. «А шавухи бы щас – ништяк бы...» Но теперь перед ним была лишь чёрная бездна, над которой гигантской полусферой нависала невероятной красоты Земля.

Не поворачиваясь, спросил:

– Офигеть... а чего буянил?

– К какому-то Вовану на dacha хотел.

– Блин, точно, мы ж к Вовану собирались... – Он осторожно отпустил бутылку перед собой, убедился, что она никуда не падает и её хоть и сносит сквозняком, но довольно медленно, – короче, она никуда не денется, – полез в карман за телефоном.

Девушка, следя внимательно за его действиями, сказала:

– Бесполезно – здесь мобильная связь не работает.

– А чего у вас тут сквозняк-то такой?

– Это необходимо, чтобы воздух постоянно циркулировал.

– Ммм... – понимающе промычал горе-космонавт, как будто бы что-то понял. А проницательная американка, догадавшись о его недоумении, добавила:

– Иначе можно задохнуться – здесь невесомость и нет вет-

ра, как на Земле. Ты выдыхаешь углекислый газ, и он скапливается вокруг тебя, поэтому его необходимо искусственно перемешивать. Вентиляторы постоянно работают и создают постоянное движение воздуха. Впрочем, это ты и сам должен знать.

Человек в дырявых носках предпочёл сменить тему:

– А как я сюда попал-то?

– Ты шутишь, что ли? Или придурка из себя строишь? На, смотри. – Девушка нажала кнопку пульта и повернула для лучшего обзора экран. На экране диктор:

«...а теперь – эти и другие новости подробнее. Как уже ранее сообщалось, сегодня неизвестными был угнан советский корабль многоразового использования “Буран”, который в качестве экспоната находился последнее время на Выставке достижений народного хозяйства в Москве. Свидетелями произошедшего стали многие посетители выставки. Далее мы покажем несколько коротких интервью очевидцев события».

Включилась камера с места события. Очевидцы – семья: папа, мама, ребёнок. Папа: «В кои веки выбрались всей семьёй погулять, суббота как-никак...» Ребёнок восторженно встречает: «...Тут он – бабах, вжи-и-х (рукой показывает, как) – и улетел, такой грохот был!» Папа добавляет: «Примерно так оно и было, только “бабах” не сразу, сначала “вжи-их”». Пожилая интеллигентная дама: «Вы знаете, я ничуть не удивлена. Посмотрите вокруг, что творится...» Группа

малолетних скейтбордистов: «Два гопника пьяных тут шлялись, к нам ещё докапывались. В ту сторону пошли...» Снова на экране появляется диктор: «Экстренное сообщение из Центра управления полётами: Как сообщает наш корреспондент, пропавший с ВДНХ “Буран” только что обнаружен. И сейчас находится на стыковочном узле Международной космической станции. Сотрудники Центра управления отрицают свою причастность к данному событию. И на вопрос, как такое могло произойти, только недоумённо пожимают плечами...»

– Это я, что ли?

– Нет, это был президент Америки! Ты полчаса бил кулаками по шлюзовому люку, а я этот факин люк не могла открыть, пока давление не выровняется.

Человек посмотрел на свои руки – костяшки пальцев были ободраны.

– Я думала, у тебя авария, чрезвычайная ситуация, думала, может, у тебя воздух кончается. А тут вваливается такое! Пришлось временно нейтрализовать. – В руках у неё появился пистолет футуристического вида.

– Это что?

– Это? – Она покрутила оружие в руке. – Дистанционный шокер, дальность пятнадцать футов.

И снова диктор с экрана:

«...Правоохранительные органы заявляют, что один из подозреваемых в угоне задержан на месте преступления...».

Показывают клетку, за решёткой которой сидит человек, опустив голову так, что не видно лица.

– Блин, это же Серый! – Человек обеспокоенно обратился к американке: – Мусора-то знают, что я здесь?

– Кто?

– Кто-нибудь знает?

– Конечно. И Москва знает, и Хьюстон. Я обязана обо всём докладывать на Землю.

– А позвонить отсюда как?

– У меня только спецсвязь – через ЦУП в Хьюстоне или в Королёве.

– Пофиг, на обычный телефон можно позвонить?

– Можно, я семье каждый день звоню.

– Давай.

Девушка протягивает самый обычный с виду телефон. Человек долго вытаскивает из памяти своего бесполезного на орбите мобильного номер – да кто ж сейчас помнит номера – и набирает на космическом:

– Алё, Вован, слышь, Серого менты замели. Мы с ним вчера в шалмане посидели, нормально так, потом к тебе на дачу собирались, потом я не помню, а щас ящик смотрю – Серого в обезьяннике показывают! Со мной ваще жесть – проснулся хер знает где... Алё, алё... Не слышно ни хера...

Связь пропала.

– Эй, как тебя там? Чё за фигня, связи нет!

– Меня зовут Кэрол, тебе должны были сказать перед по-

лётот. А твоё имя?

– Ваня. Иван, типа.

– Серый – это кто?

– Мой дружбан.

– А почему он сидит за решёткой?

– Мусора повязали – неясно, что ли...

– Ясно, хотя ничего не ясно. А связь пропала, потому что станция ушла за линию видимости радаров. Позвонить станет возможным только через полчаса.

2.

Во внутренних дворах Кремля всегда тихо. Шум города сюда не доносится никогда. Только вороны каркают. Тот, чьё имя не обязательно произносить, чтобы понять, о ком идёт речь, отошёл от открытого окна к своему месту, во главе гигантской длины стола, и дал знак персоналу, чтобы окно закрыли. Все уже собрались и ждали.

– Кто-нибудь может мне объяснить, что происходит? Каким образом фанерный макет из места отдыха населения оказался на орбите? Что это за ушлёпок, за которого теперь нужно позориться перед американскими партнёрами, да и перед всем миром? – Эхо ходило по залу, сплошь, снизу доверху покрытому позолотой.

Один из собравшихся поднялся:

– Владимир Владимирович, создана правительственная комиссия из группы специалистов, которые сейчас пытаются связаться с инженерами и конструкторами НПО «Молния», работавшими в своё время по программе космического корабля многоразового использования, где, собственно, проектировался и строился «Буран». Проблема в том, что прошло свыше двадцати пяти лет – главного конструктора уже нет в живых. Ведущие специалисты на пенсии, найти кого-либо чрезвычайно трудно. В девяносто первом году, в связи с рыночными реформами в стране, финансирование работ по

программе «Буран» было прекращено, и до начала двухтысячных годов предприятие испытывало финансовые трудности и находилось на грани банкротства из-за отсутствия заказов. Впрочем, нам удалось связаться с одним из бывших ведущих специалистов – вот что он рассказал...

Человек из правительства щёлкает пультом – загорается экран. На экране в глубоком кресле на фоне высоких шкафов, набитых книгами, очень пожилой мужчина интеллигентного вида рассказывает своё видение событий того времени.

– ...Вспомните, какое тогда было время. Основной заказчик по программе «Буран» – министерство обороны. Это значит, засекречено всё, вплоть до содержимого сортиров. Каждому отделу поручалась разработка маленькой части общей задачи. Ещё раз повторю: секретность была абсолютная. Буквально мы не знали, чем занимаются соседи за стеной, а они не знали, чем конкретно занимаемся мы. Нет, все, конечно, понимали, что проектируем космический корабль нового поколения, но у каждого конкретная информация только в рамках поставленной задачи. Полная информация по проекту была у главного конструктора, но, к сожалению, Глеба Евгеньевича уже нет с нами. Только он держал руку на пульсе всего проекта.

– А что вы можете сказать по поводу сегодняшнего происшествия?

– А что такого сегодня случилось?

– Иван Андреевич, вы телевизор смотрите?

– Нет, здоровье берегу, а что случилось?..

3.

Накануне вечером недалеко от ВДНХ перед дверьми дешёвого кабака стояли Ванька и Серый. Пьяные в хлам. Только что выползли на свет божий после конкретной попойки и решали, что делать дальше. У кого-то зазвонил телефон. Ванька радостно:

– Вован, здарова, ты как?.. А мы тут с Серым посидели так нормально... О, ништяк тема! И Машка будет? ...Ваще! В магаз-то надо заходить?.. А хавку? ...Понял. Слышь, Серый, поехали к Вовану на дачу. Он каких-то мартышек надыбал, бухло у него есть, хавчик по дороге купим.

– Так у него дача – не ближний свет, а мне завтра на работу.

– А мне сегодня на работу – и чё? Помчали – там банька, бухнём, пчёлок пожужжим...

– Я чё, против? Я всегда за! И как поедем? Мы ж в дрова – в метро хер пустят...

– Щас, погоди. – Ванька обвёл мутными глазами окрестности выставочных павильонов, пока не наткнулся взглядом на советский корабль многоразового использования «Буран».

– Во, на нём и поедем!

– Ты чё, с дуба рухнул? Это ж «Буран» – его охраняют, типа!

– Да кому он нужен, охранять! Охраняют, чтоб на цветмет не сдали.

– Хорошо, а как ты его заводить собрался?

– Не ссы, к нам в сервис «Лексус» пригоняли, я на нём ещё фильтры менял. Завести «Лексус» – как два пальца. – Ванька многозначительно поднял указательный палец вверх и уважительно повторил: – Так-то ж Лексус», а это... – Он пренебрежительно махнул рукой и с железной уверенностью сказал: – У нас в стране делать могут только «Жигули» и автомат Калашникова. Так что не ссы, прорвёмся!

– Кепарик на лицо натяни, а то тут камеры везде!

– Да мы ж, типа, посетители. Эти... как их... туристы. Ещё не пришли, а ты уже кирпичей наклал!

Два пьяных дебила, стараясь не шуметь и держаться тени, по трапу для посетителей пробрались на борт. В кабине дежурная подсветка тускло отражалась на мёртвых панелях управления. Пьяный Ванька уселся в кресло пилота, покрутил рычаги. Потыкал разные кнопки и тумблеры на панели управления – безрезультатно. Почесал затылок. Серый отреагировал глумливо:

– Ну чё, завёл?

– Да погоди ты, разобраться надо!

– Ну, ты разбирайся, а я пойду поессу. – Серый застучал ногами по трапу и пристроился к стойке шасси.

Ванька посветил себе телефонным фонариком, пытаясь разобрать подписи к различным кнопкам:

– Тык, пык, пык... ни хера не понять... ага, автомат, ну-ка... – Он увидел клавишу с надписью «Автомат» и, чуть поколебавшись, нажал её. Что-то мягко зашумело, панели управления ожили, экраны засветились чередой каких-то цифр и, наконец, на центральном экране появилась надпись: «Старт в автоматическом режиме через десять секунд... девять... восемь...» «Блин, там же Серый!» – Ванька вскочил с кресла и побежал к выходу. Поздно. Входная дверь с шипением закрылась, мягко клацнув герметическими затворами.

Удивлению Серого не было предела, когда стойка шасси, на которую он мочился, плавно оторвалась от бетона и поползла вверх. «Буран», бесшумно и невесомо, словно воздушный шарик, поднялся над домами. На мгновение завис, и вдруг придавил город громовым раскатом включившихся двигателей. Извергая ослепительно-огненную струю, резко ускорившись, корабль исчез в вечернем небе, оставив густой инверсионный след, чуть розоватый от последних лучей заката. Ванька же, внутри, хватаясь за всё, что попало, по инерции полетел назад и, ударившись головой о переборку, потерял сознание.

4.

– Мы познакомили его с событиями, и вот что он сказал...

На экране молчал погружённый в воспоминания старик.

– То, что я увидел, просто невероятно.

После паузы:

– В своё время мы дали что-то вроде коллективной клятвы молчать, пока не придёт время, и время, судя по всему, пришло. Правда, не так я себе это представлял.

– Вы можете сказать, о какой клятве идёт речь?

– Понимаете, в 1992 году, когда стало понятно, что финансирования программы работ по кораблю многоразового использования больше нет и не предвидится, а государству на космос плевать, как, впрочем, и на всё остальное, что не связано с личными доходами первых лиц... – Сидящие за столом слегка заёрзали. – ...руководством объединения был предпринят (втайне, конечно), ряд шагов по спасению проекта. Шаги включали в себя консервацию изделий, оборудования, сохранение проектной и технологической документации.

– А почему втайне?

– На фоне тотального разрушения промышленности и всего народного хозяйства тех лет так называемыми «реформаторами»... – Старик скривил губы в презрительной усмешке. – ...это был единственный способ попытаться со-

хранить труд десятков тысяч людей. В надежде на будущее. Не может вакханалия разрушения длиться вечно. Короче, нашему отделу было поручено разработать код запуска изделия. Был разработан специальный шестнадцатизначный код, включающий в себя не цифры, а последовательность переключения некоторых тумблеров на панелях управления. Без знания этого кода «Буран» – мёртвое железо.

– А подобрать этот код реально?

– Физически – можно, практически – нет.

– Почему?

– Нужно много времени, примерно миллион лет – это вам не компьютерная программа. Кроме меня его знает ещё один человек. Впрочем, он уже умер.

– Вы хотите сказать, что изначально то, что все принимали за макет, на самом деле полноценный космический корабль?

– Теперь уже можно сказать, что да.

– Но почему так? Вы не находите странным выставлять шедевр конструкторской мысли на потеху ярмарочной толпе?

– Напротив, старое как мир правило: хочешь что-нибудь спрятать – оставь на виду.

– Но риск...

– Да, риск. Но так есть хоть какая-то надежда, что изделие переживёт тяжёлое время. А если бы оставили где-нибудь в ангаре на задворках – давно бы он был уже разворован

на цветной металл, а что нельзя украсть, сожгли бы вместе с ангаром. Вы меня простите, но мой возраст не позволяет строить иллюзии.

– И всё-таки, если вернуться к событию. Вы утверждаете, что для того, чтобы запустить двигатели, необходимо набрать некий пароль, который невозможно подобрать?

– Верно.

– Кроме вас, его никто больше не знает?

– Да, могу это утверждать. Знал ещё главный конструктор, но его давно нет в живых.

– И никто не пытался у вас его выпытать?

– Молодой человек, никто даже знать не мог, что он существует!

– И как тогда можно объяснить случившееся?

Старик снял очки, долго протирал идеально чистые стёкла.

– Не знаю. А эти люди – и тот, кого вы задержали, и тот, который улетел, – они специалисты? Лица, прошедшие подготовку?

– Нет. Они... – Голос интервьюера за кадром замялся, подыскивая подходящие слова. – Они среднестатистические россияне.

Учёный водрузил очки на место и ухмыльнулся.

– Я так и думал. Как последовательный атеист и убеждённый материалист, одно могу сказать: то, что случилось, – это... – Он сделал паузу. – Промысел божий. Видно, время

пришло. Честно говоря, рад. У меня камень с души свалился...

Главный сделал знак остановить просмотр и в свойственной ему манере позволил себе пошутить:

– Осталось только молебен заказать во славу российской науки! Там будет ещё что-нибудь конструктивное?

– Как раз самое интересное.

Помощник снова включил видео.

– Николай Андреевич, мы все не раз видели, как проходят старты космических ракет. Это море огня. По известным кадрам видели и старт «Бурана» с ракетоносителем «Энергия»...

Старик перебил:

– В автоматическом режиме – как взлёт, так и посадка.

Кстати, до сих пор никто не смог повторить.

– Да-да, но сейчас не об этом. На ВДНХ не было ни моря огня, ни выжженной земли, как это бывает при стартах. очевидцы утверждают, что объект всплыл над городом, как невесомый, и только потом включились двигатели. Как такое может быть? Есть ли этому научное объяснение?

– Если честно, меня это самого потрясло! Повторю: проект курировали военные, и секретность была абсолютной. Но, так или иначе, мы немного представляли, чем занимаются соседи. Кто-то занимался двигателями, кто-то – планером, ну и так далее. Короче, то, что я скажу, – не информация, а мои домыслы. В 1984 году у нас был создан новый от-

дел. Причем не из наших сотрудников, и общаться с этими людьми нам было запрещено. Им выделили огромный ангар. Чем занимались, было неизвестно, но ходили слухи, что антигравитацией. Все ещё недоверчиво посмеивались. А через два года стало известно, что отдел закрывается, – видимо, чтобы слухи пресечь. А на деле окружили ангар пятиметровым забором и по периметру камеры наблюдения повесили – они в то время в диковинку были. Знать наверняка, чем там занимаются, мог только генеральный, но он уже ничего не скажет. Видимо, у ребят что-то получилось...

5.

– ...А где тут у вас отлить можно?

– You can do directly from the porch (Тебе можно прямо с крыльца).

– Чё? Ты мне человеческим языком скажи!

Девушка смягчила тон:

– Пойдём, гоу. – Она отцепилась от голубенького поручня, плавно оттолкнулась белым носочком и поплыла вглубь по станции, ловко корректируя движение руками.

Только-только вестибулярный аппарат у Ваньки пообте-сался к новым условиям существования и допустил, что верх – это там, где голова, а тут снова в пространстве всё перепу-талось. Организм не желал с этим мириться и отреагировал рвотным позывом.

Девушка оглянулась на звук:

– Э, поосторожней там, а то убирать заставлю! Дыши глу-боко и медленно. Потом привыкнешь. Когда-нибудь под во-дой плавал?

– Угу. – Ванька не рассчитал силу и, оттолкнувшись вслед, пролетел мимо. Больно ударился об угол какого-то замысло-ватого прибора и остановился в нелепом положении, схва-тившись то ли за провода, то ли за трубопроводы.

– Эй, бой, плавнее надо, ты так всю станцию разгромишь!

Хорошо, что туалет был недалеко. Небольшая кабинка в

переборке – едва-едва развернуться. Девушка взяла двумя пальцами гофрированный шланг, заканчивающийся подобием воронки, повертела его в руках:

– Вот, как-то так. – Девушка нажала кнопку. Где-то включился компрессор, засасывая воздух через раструб воронки, – это чтобы ничего в стороны.

Ванька разглядел шланг поближе, проверил рукой, как на пылесосе, скорость всасывания:

– Очень эротично, а девочки как?

– Приходится приспособливаться.

– Ясно. Меткость – норма жизни! Ты... это... отвернись, что ли...

– Здесь можно закрыться. – Девушка опустила шторку, оставив Ваньку наедине с самим собой. Устройство справлялось со своей функцией хорошо, но лёгкий запах туалета всё равно присутствовал.

– А ты что, одна здесь?

– Почему одна? Ещё Али на станции, но он сейчас в лабораторном отсеке – какой-то важный эксперимент. Впрочем, у него все эксперименты важные. – Девушка глянула на часы, что невесомо болтались на её запястье. – Он сейчас придёт. У него вечерний намаз скоро.

– Чего?!

– Вечерний намаз. Али – мусульманин.

– Ваххабит, что ли?

– Почему сразу ваххабит? Али – учёный, известный гене-

тик. Выдвигался на Нобелевскую премию в прошлом году, а ему всего тридцать три...

– Или уже...

– Какая разница! А сам-то ты чем занимаешься?

Ване не хотелось говорить правду, потому что после упомянутого номинанта на Нобелевку хвастать, что ты слесарюгой вкальываешь в каком-то захудалом автосервисе, было как-то не очень, но и врать тоже не хотелось. Поэтому сказал уклончиво:

– Я механик, вообще-то, со сложной техникой связан.

– Прекрасно, Эйван, только скажи мне плиз: весь этот спектакль – он зачем?

– В смысле? Какой спектакль?

– Вся эта глупая инсценировка с угоном. Младенцу понятно, что угнать космический корабль impossible, I do mean it's not possible. В подготовке запуска всегда участвуют сотни специалистов – заправка топливом, проверка всех систем. Стартовый комплекс перед полётом напоминает с вертолёта муравейник – я знаю, я сама видела. Я знакома с российской космической программой, с графиком пусков – там нет ни слова о возрождении программы полетов русского «Бурана». Я знаю всех ребят из отряда космонавтов, потому что предполётная подготовка у нас совместная, но тебя там никогда не видела. А этот твой внешний вид... Алкоголь в крови с несовместимым для живого человека уровнем. Нет, русские, пока не улетели, у себя в сегменте иногда закрывались и вы-

пивали. Это строжайше запрещено правилами, но они это делали. Иногда. Нелегально и тайком. Но это просто смешно – прятаться, – ведь система вентиляции общая, и запах алкоголя разносился повсюду. Но мы относились к этому снисходительно. Как у вас говорят, смотрели сквозь пальцы. Ведь все знают, что русские и водка – понятия неразделимые, но напиваться до такой степени, как ты, да ещё во время старта! Why? Впрочем, ладно – это дело твоё и твоего руководства. Лучше скажи, зачем твоему правительству свои действия оформлять таким странным, никакой логике не доступным способом? Сначала прошла информация в новостях, что в Москве произошёл взрыв. О причине все терялись в догадках: то ли теракт, то ли техногенная катастрофа. Печально, конечно, но чем я могу помочь здесь, на орбите? Мне свою работу надо делать. А дальше я занимаюсь своими делами – вдруг толчок. Ощутимый такой. Я сначала подумала, что это мелкий метеорит, – а что ещё можно подумать? Они тут летают как бешеные – я уже два раза выходила наружу менять элементы на солнечных панелях. Давление воздуха проверила – не падает. Значит, герметичность не нарушена. Уже хорошо. Посмотрела на экран, Oh man, компьютер ведёт проверку герметизации шлюза. А с чего вдруг его проверять? Оказывается, этот дурень только что произвёл стыковку в автоматическом режиме с неизвестным грузовым кораблём и собирается после проверки открыть входной люк. Какой, к чёрту, грузовик? Откуда? Ближайший прилёт «Союза» с но-

вым экипажем только через неделю по графику. Я к обзорному куполу, смотрю – это не грузовик, а самый настоящий шатл. Ничего не понимаю! Какой, к чёрту, шатл – программа-то закрыта, потом пригляделась – красные звёзды и серп и молот на корпусе... Доложила в Хьюстон – те в шоке. До сих пор никто не понимает, что происходит. Запрашивала ваш ЦУП – там тоже всё видят, но тоже в замешательстве. А руководство молчит. И Москва молчит. Я понимаю: ваш президент эксцентричный человек, мне он даже симпатичен своей первобытной харизмой – нет-нет, я нисколько не умаляю ни его ума, ни его деловых качеств руководителя, я верю, что его поступки продиктованы интересами своей страны и русского народа, просто мне кажутся странными его некоторые методы. Не то что бы он агрессивен для других или зол, просто он непредсказуем иногда. А это вызывает сумятицу в умах и недоверие в мире.

– Блин, и к чему этот базар?

– К тому, чтобы ты мне сказал правду, что на самом деле происходит.

– Я ж тебе говорю: мы с Серым к Вовану на дачу собрались, а сами в говно. В метро хер пустят, а на тачку бабок нет. Смотрю – «Буран» стоит. По трапу забрались – внутри никого. Я такой в кресло сел, тумблеры пощёлкал – тишина. Серый надо мной ещё смеяться начал, потом отлить вышел. А я чего-то разозлился даже. Ещё покрутил рукоятки какие-то, вижу – кнопка «Автомат». Нажал – оно всё ожило,

засветилось, я за Серым метнулся, да поздно. Башкой треснулся – до сих пор болит. Во, смотри – шишак какой...

Кэррол грубо оборвала его тираду:

– Ваня, извини, но я тебе не верю. Неужели ты сам не чувствуешь, какой бред несёшь? Не можешь говорить правду – лучше молчи, иначе я буду думать, что ты сумасшедший. Потому что так примитивно врать может либо безумец, либо отъявленный негодяй. И давай прекратим этот разговор, тем более что Али возвращается.

Откуда-то снизу (впрочем, это смотря как располагаться – может быть, и сверху) выплыл щуплый темноволосый человек с аккуратно подстриженными, как у голливудских актёров середины прошлого века, усами и в таком же белом комбинезоне, что и Кэррол.

– О, у нас гости... Когда прилетели? А я работаю и ничего не слышу. Кэрри, ты говорила, что следующий экипаж – только через неделю. У русских сменились планы? – бойко начал он по-английски и с широкой улыбкой протянул Ваньке руку: – My name is Ali.

– Ваня, – ответил Ванька на довольно крепкое рукопожатие и поправился для солидности: – Иван.

Али перешёл на ломаный русский:

– А где мой друг Семёнов? Мой друг Семёнов из Сколково с результатами расчётов?

В разговор вмешалась Кэрри по-английски:

– Этот парень прилетел один. При странных обстоятель-

ствах. О цели прилёта не говорит. Изначально вёл себя более чем неадекватно – пришлось применить шокер. Ты ещё смеялся: зачем на орбите шокер? Как видишь – пригодился. Уровень алкоголя в крови – запредельный!

И если Али, занятый своими мыслями, сразу не обратил внимания на то, как выглядит и как одет новый член экипажа, то теперь спортивные штаны, грязная футболка и кепка на затылке на этом оч-чень странном русском удивили американца. А увидев бутылку у него в руках, удивлённо спросил:

– Beer, isn't it?

Кэрри поспешила пояснить:

– Это я в русском сегменте взяла, чтобы этот парень не умер от алкогольного отравления.

– То есть чтобы нейтрализовать смертельную дозу яда, нужно к тому, что есть, добавить ещё? Логично.

– Али, ты смеёшься, но это работает! Не знаю как, но работает. Вам, мусульманам, этого не понять. Мой дед, когда вечером приползал в стельку пьяный домой из соседнего бара, всегда утром пивом отпивался. Я не говорю, что это хорошо – хлестать виски каждый вечер, – но утром деду пиво помогало не умереть...

– А зачем? Не понимаю, какой в этом смысл – пить каждый день?

– Трудно отучить от пьянства человека, пережившего «сухой закон».

– И где он сейчас?

– Он умер. Давно уже...

– Прости, но пиво его всё-таки не спасло.

– Увы, не спасло. Он погиб в аварии. Проезжавший водитель уснул за рулём и протаранил бар, в котором дед постоянно ошивался. Там обычно народу полно. Всем ничего, а деда насмерть. И потом, дожить до девяносто четырёх – тоже неплохо.

– Сожалею. Я лишь хотел сказать, что алкоголь для человека – всё-таки не самый полезный продукт.

– Али, мы отвлеклись, выгляни в иллюминатор. – Сказано было загадочным тоном и в то же время непреклонно.

– А что там? – Али оттолкнулся от поручня и влетел в обзорный купол. – Ого, русские возобновили программу полётов кораблей многоразового использования? Здорово, а я и не знал!

– Даже ЦУП этого не знает. Этот парень утверждает, что он угнал этот корабль по пьяной лавочке прямо из центра Москвы.

– Бред! Это невозможно!

– Согласна, но факт № 1: русский челнок с выставки, где он служил экспонатом, исчез. Факт № 2: он теперь находится на стыковочном узле МКС. Хьюстон в шоке, Москва молчит, а с нами здесь непонятный парень довольно маргинального вида. Ты можешь объяснить, что всё это значит? От парня толку нет – он либо дьявольски хитёр, либо...

– Ребята, а ничего, что я ещё здесь? Вы можете человеческим языком, по-русски, говорить? А то чувствую себя как в хачлабазе – вроде бы зашёл только пивасика взять, бабки им свои принёс, а они между собой бла-бла-бла – то ли обмануть хотят, то ли ещё чего замышляют, – неприятно, а ты стоишь как дурак! Так и вы о своём о чём-то базарите, а я, как дурак, слушай!

– Али, я не уверена, что он и вправду не знает английский. Будь осторожен, держи подробности своих исследований в тайне. Я подозреваю, что причина всех событий именно в этом.

– Кэрол, детка, я никогда не делал секрета из своей работы. – И уже обращаясь к Ваньке, перешёл на ломаный русский: – Иван, мы здесь занимаемся очень важными исследованиями – разработкой лекарства от рака. И у нас уже есть значительные результаты. Невесомость даёт невероятные возможности для работы с клетками и генетическим материалом. Мой русский коллега Семёнов через неделю привезёт сюда свои компьютерные расчёты и результат обработки материала – того, что я отправлял на Землю с предыдущим экипажем. Если тебя это, конечно, интересует. А сейчас извини – мне пришло время сотворить молитву.

Али извлёк из-под устройства, напоминающего велотренажёр, небольшую площадку где-то 50 на 70 сантиметров размером. С одной стороны этой площадки или платформы – коврик с арабской вязью и бахромой по краям, с другой

– телескопическая штанга хай-тековского вида с шарнирами всех степеней свободы. Али прикрепил вакуумную присоску на конце штанги к гладкому месту на борту станции, поправил бахрому, которая торчала во все стороны, и вынул из кармана какое-то устройство с пачку сигарет величиной. И, хотя его никто не просил, поспешил пояснить:

– Это молельный коврик, специальный для космических полётов: в невесомости его необходимо как-то фиксировать. А в руках у меня прибор, который позволяет в любой момент определять направление на Мекку. Это очень важно – станция-то постоянно вращается. Смотри.

Али включил приборчик и, глядя на экран, рукой отрегулировал и зафиксировал положение коврика.

– Это устаревшая модель, – прокомментировал он свои действия, – сейчас ученые из Исламского космического университета создали полный автомат: фиксируешь на любой поверхности – и он сам определяет и поворачивается по направлению к Мекке и постоянно поддерживает это направление. А сейчас – извини меня, плиз.

Али подлетел к коврику, осторожно, стараясь не нарушать выверенное положение одного массой своего тела, пристегнул к нему колени специальными ремнями на липучке – видимо, в космосе по-иному ритуал не соблюсти – и согнулся ниц в молитвенном порыве.

«Ни хера себе учёный! Такой ещё и пояс шахида с собой принесёт! Взорвёт тут всё к чёртовой бабушке! Во славу Ал-

лаха-то, чего ж не взорвать?»»

6.

«– Бессмысленно предсказывать человеку его судьбу – ведь если он не полный идиот, то сделает поправку на грядущие события, и картина его жизни кардинально изменится.

– То есть если ты знаешь, что человек должен сию минуту умереть, ты не скажешь ему об этом?

– А смысл? Особенно если у тебя в руках пистолет и ты держишь его на мушке».

Разговор, подслушанный в автобусе.

Сначала не было ничего. Ни верха, ни низа, ни права, ни лева – ни-че-го. Отсутствовало время, не было пространства и света. Чёрное, густое и бесконечное небытие. Потом среди этого небытия определился ритм, оформляющий примитивную повторяющуюся музыкальную фразу – невнятную, но назойливую. Ударные и бас какой-то группы безжалостно забивали в голову ржавые гвозди – когда по одному, а когда все сразу. Каждый такой гвоздь вспухал в мозгу красным бесформенным пузырьком, который тут же начинало тошнотворно рвать на куски и бесконечно выкручивать. Пробуждение не радовало. Руки свело от перенапряжения. Голова же лежала на чём-то липком. Ванька сглотнул пересохшим ртом несуществующую слюну и открыл глаза. Осмотрелся. Оказывается, он сидел у себя в районе на грубой деревянной ска-

мейке, в забегаловке с названием «Килька». Руки сжимали бутылку из-под пива с торчащей из горлышка коктейльной трубочкой. Тут же всплыли в памяти американка в белом комбинезоне и странный мусульманин на молельном коврике. «Бля, приснится же такое...». Он вытащил трубочку и опрокинул бутылку в рот. Та была пуста. «Сука, я ведь её ещё на станции всю выпил! Блин, какая, на хер, станция? Всё, сука, допился... Как сюда-то попал? А ваще круто вчера в центре оттопырились, малолеток погоняли – и пральна, чтоб знали, кто тут главный! Блин, Серый же в ментовке! Стоп! То есть, может, и нет. Это же во сне по ящику показали. Бля, первый раз в жизни во сне телевизор смотрел! У меня бабка любит сны разгадывать – надо будет у неё спросить потом, для смеха, что это значит – смотреть телевизор во сне»... Пошарил по карманам – денег ноль. Ещё раз перевернул бутылку – как засохла падла, ни капли!

«Кильку» любили и постоянно в ней ошивались работяги-алкаши из местных, иногда со своими хорошо подержанными подругами, но чаще строгой мужской компанией. А также завсегдатаями здесь были молодые пацаны с района – пивка попить, футбол посмотреть и заодно дела перетереть. Когда-то, в девяностые, местные бандиты (уже давно все покойники) переделали бывший пункт приёма стеклотары под шалман, поставили по углам бюсты, а на стены поместили портреты всевозможных вождей, а также ура-коммунистические лозунги, типа «Решения партии в жизнь», развеси-

ли сатирические плакаты, уличающие бракоделов, пьянчуг и расхитителей социалистической собственности. Где-то нашли другие артефакты советской эпохи, как то радиола «Рекорд 66» и работающий ДО СИХ ПОР! телевизор КВН. Телевизор величиной со средний комод стоял на окне, гудел трансформатором, пять минут нагревался и смутно показывал только Первый канал. Экран он имел, правда, поболее, чем у айфона, но этот недостаток компенсировался огромной стеклянной линзой, заполненной дистиллированной водой. Линза, если перемещать её вперёд-назад по специальным полозьям, позволяла увеличивать изображение в два-три раза и сама по себе приводила посетителей в восторг больше, чем шедевр советской радиотехнической промышленности 1949 года. Впрочем, воображения у завсегдатаев хватало только на две вещи: на предположение, что в линзу налита не дистиллированная вода, а чистый спирт, и поэтому её надо вскрыть, а спирт выпить. А если всё-таки там вода, то запустить туда рыбок и устроить аквариум.

Был здесь и современный телевизор – большой, на полстены, включённый постоянно на спортивный канал, – и показывал он либо футбол, либо хоккей. Все попытки буфетчицы тётки Маши, добродушно прозванной из-за непомерной толщины за глаза Жабой, посмотреть какой-нибудь слезливый сериал или концерт популярных и заслуженных артистов неизменно натыкались на пьяное недовольство посетителей и сразу же пресекались.

Ванька поводил глазами по сторонам в смутной надежде встретить знакомых. Удачно: через пару столов расположился бывший одноклассник Лёха Бессонов по кличке Бес. Лёха радостно глядел в его сторону, улыбался и кивком приглашал к себе. Словно только и ждал, когда Ванька придёт в себя. Перед ним на столе запотевшими боками манили и ждали две кружки пива.

Не видя смысла себя уговаривать, Ванька перебрался к приятелю:

– Привет, Бес. Что, на работу устроился?

Про работу – это была дежурная шутка. Все знали, что Лёха в последнее время нигде не работает, не собирается, и на что бухает – непонятно. Хотя всем он намекал про какие-то мутные аферы, про якобы знакомства с какими-то крутыми людьми, всячески пытаясь всех убедить, что вот-вот озолотится. Уверить, очевидно, в первую очередь он хотел самого себя, потому что ему никто не верил и всерьёз не воспринимал.

Бес радостно отреагировал:

– Ага, ну, будь здоров! – И в три глотка вылил кружку в себя. – И тебя могу устроить.

– А что за работа? – Ванька указал на оставшуюся кружку. – Угощаешь?

– Тебе и взял. Смотрю – в отрубях валяешься, думаю, очнёшься – не пропадёт. А работа? Работа ништяк! Делать почти ничего не надо, а денег платят – будь здоров!

– Не томи...

– Вот. – Лёха полез в сумку и вытащил из неё маску для дайвинга, только с матовыми чёрными стеклами.

– Понырять решил?

– Сам ты понырять! Это шлем виртуальной реальности. Российская разработка. Короче, одна контора ищет добровольцев для испытаний. Причём негласно, потому что эти разработки ФСБ финансирует. Бабосы нормальные платят, а я там, типа, вербовщик, что ли...

– Какие на фиг испытания? Что там испытывать?

– Там виртуальная реальность по новому физическому принципу реализована. Даже в Пендосии такого ещё нет. Поэтому секретность.

– Тебя-то как они взяли, ты ж алкаш конченный...

– Короче, ты подписываешься или нет? Бабки нужны?

– А кому не нужны? Всем нужны, давай сюда свою шарманку, только пивка чутка хлопну. – Ванька хлопнул пивка, потом потянулся к секретному девайсу и надел его на лицо. – Ну и чё, ничего не видно...

– погоди ты, включить надо! – Лёха Бессонов (можно сказать, друг детства, сосед по дому и бывший одноклассник) полез в сумку, исподтишка и воровски оглядел посетителей – не смотрит ли кто – и, держа руку в сумке, вместе с ней обошёл стол. Ещё раз убедился, что все заняты просмотром футбола, достал из сумки пистолет с глушителем и выстрелил ничего не подозревающему Ваньке в затылок. Сухой щелчок

выстрела – как будто тарелку неаккуратно брякнули на стол. На звук никто не обратил внимания – мало ли кто чего, да и гол вдруг пропустишь. А Лёха подхватил ладонью падающую Ванькину голову, другой рукой собрал все салфетки из пластмассовой вазочки и, сняв забрызганную кровью маску, залепил, чтобы промокать кровь, выходное отверстие пули в глазнице толстым слоем салфеток. Потом бережно положил голову лицом на стол и вновь убедился, что кровь не расплывается пятном. Входное же пулевое отверстие на затылке, вспухшее большой розовой бородавкой, Лёха накрыл по-естественнее кепкой. Со стороны казалось, что бухой Ванька продолжает спать, только место поменял. А сам Лёха стер салфеткой мелкие кровавые брызги со стола, и неслышно закрылся в туалете.

7.

– Ну, как тебе аватар?

Лёхин вопрос застал врасплох. Было очень жарко, а форменный галстук давил шею. Эту удавку хотелось расслабить, но Ванька знал, что форму одежды нарушать нельзя. Он стоял на самом солнцепёке и удивлённо озирался. Примерно в ста ярдах находился забор, за металлическими прутьями которого толпились многочисленные боты.

– И чего делать-то надо?

– Ванька, ты в ГТА когда-нибудь играл?

– Ясен пень – у меня плейстуха дома валяется. А ты сам-то где, я тебя не вижу?

– Это игра, Ваня, я могу лишь со стороны говорить, участвуешь только ты. Как тебе графа?

– Ва-аще ништяк! Графа – как настоящая! Деревья, звук, даже ветер чувствуется...

– Ты ещё себя не видел – в отражение в окне глянь...

Ванька повернулся к окну и вместо себя привычного на него в отражении смотрел здоровенный негр с накаченной бицухой. В тёмных форменных брюках, белой форменной же рубашке с галстуком и фуражке – примерно такой, как в супермаркетах охранники носят.

– Ни хера себе – ниггер!

У пояса висела кобура. Ванька потрогал её:

– Тяжёлая.

– А ты думал! Здесь всё как по-настоящему. Короче, миссия у тебя такая. Надо войти в дом, пройти по коридору. Но так, чтобы никто ничего не заподозрил, потому что если заметят что-нибудь – замочат сразу. У тебя аватар охранника – это облегчает задачу, но не намного. И ещё: рот на замке...

– Почему?

– Блин, ты ведь по-русски говоришь!

– Ладно, а мы, вообще, где?

– В Караганде, блин! Заходи в дом и меня слушай. Пушку не доставай, пока я не скажу. Мочить зря никого не нужно – ты должен внушать доверие. Мол, свой.

– А не зря если, то кого мочить?

– Главного крутого босса – я тебе буду подсказывать. И учти: у тебя только одна попытка.

– А много за тестирование лавехи заплатят? Ты так цифр и не назвал.

– Бабок будет море! Всё от тебя зависит. Если миссию не завалишь, тебе потом и работать не придётся.

– Врёшь ты всё! Ну да ладно, раз уж вписался... Говори, что дальше.

– Видишь дверь?

– Да.

– Через две минуты зайдёшь внутрь, засекай.

– Почему через две?

– Начальник охраны поссать пойдёт.

– Ясно, а всё же, что это за место?

– Это – симулятор Белого дома, резиденции главы государства в Соединённых Штатах Америки...

– А надо будет войти и ихнего презика грохнуть?

– Надо же какой догадливый! Верно, и смотри: никакой отсебятины.

– Блин, жесь, в натуре! Это я пошутить хотел. Понятно теперь, почему ФСБ эту шнягу финансирует.

– Заткнись! Начали. Заходи.

8.

*Моей бы ангельской державушке,
Два б чистых ангельских крыла.
Но если был бы хер у бабушки,
Она бы дедушкой была.
Игорь Губерман.*

... И снова начался гвалт. Присутствующие с жаром пытались что-то возразить и ожесточённо перебивали друг друга.

Ведущий популярного телешоу, ряженный в наглухо застёгнутый чёрный сюртук, не предпринимал ничего, чтоб успокоить присутствующих, и лишь посмеивался уголками рта. Его именитые гости неистовствовали до неприличия, чуть ли не с пеной у рта обличая неказистого дядечку в сером пиджаке, представленного ведущим в качестве директора какого-то там аналитического центра изучения каких-то там мировых проблем.

Дядечка довольно долго (по телевизионным, конечно, меркам) ждал, пока шум стихнет, и, не дождавшись, съёрничал, подлив тем самым масла в огонь: «Ничего, что я говорю, когда вы меня перебиваете?» И уже обращаясь к ведущему: «Господин ведущий, наведите порядок в студии».

Тому пришлось вмешаться и урезонить нетерпеливых оппонентов. Невзрачный дядечка продолжил:

– Вот вы все здесь, как под копирку: «Америка зло, опутала своим долларом весь мир»... Прямо как дети, которых конфет лишили! Попробуйте посмотреть на ситуацию с точки зрения американских правящих кругов – хоть политических, хоть финансовых... Мудрые и прагматичные люди. Они ещё сто лет назад понимали, как устроен мир и какую всеобъемлющую роль в нём играют деньги.

Шум в студии снова стал нарастать. Ведущий было открыл рот – снова осадить нетерпеливых, – но говорящий его опередил.

– Дайте договорить, мать вашу... – То ли повышенный тон, то ли грубые слова снова успокоили нападавших, и мужчина в сером пиджаке продолжил уже спокойно:

– Мне иногда возражают: что вы, говорят, деньги ещё не всё, есть и другие аспекты жизни, в которых деньги не играют роли. Согласен, но американские воротилы резонно решили, что эти, другие стороны жизни в глобальной игре не имеют решающего значения, и отбросили их, как несущественные. Признавая приоритет материального как фундамент для всего остального – вспомните пирамиду Маслоу, – они решили, что, создавая материальному, то бишь деньгам благоприятные, если не сказать тепличные условия существования, можно решить многие проблемы американцев, если не сказать все. Разумный фермер всегда видит прямую связь между условиями содержания коровы и величиной надоев молока. Сравнение примитивно, но суть передаёт вер-

но. Если корове не создавать условий, она либо сдохнет от холода-голода, либо сбежит. А уж молока точно давать не будет. В этом смысле деньгам патриотизм не присущ. Они всегда будут утекать туда, где им лучше, то есть выгоднее. И бесполезно устраивать искусственные барьеры, чинить препятствия, уговаривать – они всё равно утекут, не спрашивая людей, как вода сквозь пальцы, в поисках лучшей доли. И если вернуться к примитивным сравнениям, то американским правящим кругам удалось создать, может быть, и неидеальный, но, по крайней мере, лучший коровник из существующих, которым они по праву гордятся, и искренне недоумевают, почему другие люди не всегда разделяют их чувств. Впрочем, я отвлёкся...

Марксисты-ленинцы никогда не брали в расчёт ресурсы планеты и полагали, что размер ресурсов на ней безграничен. Ну, если и не безграничен, то просто огромен – ведь всё дело в правильном распределении. А то у одного десять дорогих пальто, а у остальных ни одного. А зачем, спрашивается, одному десять дорогих пальто – он же не сможет их все одновременно надеть? Справедливость требует немедленно всё отобрать – и тогда тёплый ватник, гарантированно раз в год получаемый всеми остальными, будет считаться великим социальным завоеванием.

Проклятые американские империалисты, наоборот, всегда исходили из того, что ресурсов на планете дефицит, а нехватка ресурсов всегда будет ограничивать рост произво-

длительности общественного труда и никогда не позволит создать рай на этой планете для всех. И если, что очевидно, невозможно устроить хорошую жизнь для всех, то почему бы не сделать это для отдельно взятой страны? И никто не сможет отрицать, что у них, у проклятых американских империалистов, это блестяще получилось. Какими средствами – другой вопрос. Ведь цель всегда оправдывает средства. Умело используя человеческую глупость, жадность, невежество, отсутствие гибкости и косность умов, а также окаменевшие догмы, можно чудеса творить. Что мы и видим.

Европу в двадцатом веке обескровили – а я сейчас повторяю общеизвестные истины – двумя мировыми войнами, десятком революций, гражданских войн и разными междоусобицами. И всякий раз Россия – а мы ведь говорим о России – велась на эту, как говорят в некоторых кругах, шнягу. Позволила ввергнуть себя во все мировые войны, допустила революции, а позднее, на излёте века, допустила новый, тотальный распад сложившегося общественного устройства, что бы о нём ни говорили – плохого или хорошего. И, как выясняется потом, всё и всегда – под чужую дудку. И сейчас, в пору очередного обострения отношений между нашими странами, как вы думаете, кто кого переигрывает? На чьей стороне шансы? Под чью дудку пляшут россияне, и что изменилось в мозгах большинства россиян? По большому счёту, очень немного – почти ничего. Всё те же легкомыслие, шапкозакидательство, квасной патриотизм со стороны одних и

непреодолимое желание продать страну за гамбургер и банку колы со стороны других. Одни жаждут твёрдой руки, не желают видеть очевидного и не хотят думать, другие смотрят на страну через кривое зеркало и не хотят ничего делать. Остальные, циничные и хитрые, предпочитают ловить рыбку в мутной воде. И то, и другое, и третье явления (я не говорю «точка зрения», потому что точка зрения подразумевает работу мысли и стремления души, а в вышеописанном нет ни того, ни другого) отвратительны, хотя и в разной степени. И в том и другом случае есть нежелание или неспособность извлекать уроки из прошлого. Как будто эта, нынешняя, относительно спокойная и более-менее сытая жизнь не оплачена кровью предыдущих поколений, и не было тех десятков миллионов погибших за весь двадцатый век. А правительству как будто того и надо – вместо того чтобы – перефразируя классика – устранять разруху в сортирах, оно культивирует её в головах. Но об этом можно говорить бесконечно и приводить всё новые и новые примеры, что мы все, собственно, так любим делать. Но давайте попытаемся смотреть в корень. Учитывая, что возможности США больше примерно в 10 раз, и то, что ребята из американских правящих кругов уверенно настроены на победу или, по крайней мере, не хотят проигрывать без боя, прошу всех здесь присутствующих взглянуть реалистично на очень вероятный результат этой борьбы. И – всё-таки надо быть реалистами – этот вероятный результат, увы, не в пользу нашей страны. Но это взгляд

узкий, сугубо прагматический. Так проще считать и делать прогнозы. Но, как я выше упоминал, совсем не единственный. И в истории немало случаев, когда объективные расчёты опрокидывались иррациональными факторами, которые невозможно прогнозировать. Последний крупный пример – Великая Отечественная война. И хотя по всем расчётам – как гитлеровским, так и заокеанским – у СССР не было шансов на победу, решающим фактором этой победы, как всем известно, стали не только и не столько ресурсы, танки и самолёты, сколько невероятный дух советского народа, проявившийся в связи с трагическими событиями тех лет. И заплатившего реками крови за эту победу. И если взглянуть правде в глаза, если на что и приходится надеяться, так это на духовный подъём в трудный для страны период. Но нельзя, или даже преступно, строить на этом расчёты.

И если подытожить: население планеты растёт в геометрической прогрессии, а оставшиеся на планете ресурсы небесконечны. В связи с этим конфликты среди мировых правящих кругов будут усиливаться. Мы в преддверии невиданного кризиса планетарного масштаба. При этом России принадлежат четверть мировых запасов всех ресурсов и седьмая часть суши. Многие это считают несправедливым. Особенно если учесть, что население России – всего два процента от мирового. С почти полной уверенностью можно говорить, что давление на Россию будет только возрастать по всем направлениям. И учитывая всё вышесказанное, для то-

го, чтобы просто выжить, очень велика вероятность того, что России опять придётся умыться кровью. И одними военными приготовлениями ситуацию спасти будет невозможно. Вспомните Советский Союз: он имел всё мыслимое и немислимое оружие, гигантскую армию. И что – это спасло его от смерти? Считается, что нужно развивать экономику, и отчасти это верно. Но какую и как? Если американского образца, то это неизбежно ведёт к кризисам и не дай бог к войнам, что не раз было доказано, а если сталинскую – то к лагерям и репрессиям. Поиски «золотой середины» приводят к установлению шаткого равновесия, готового в любой момент рухнуть, и к деградации населения, теряющего цели существования и зачастую закрывающего глаза на многие нарушения закона ради сохранения своего status quo и поддержания зыбкого комфорта...

9.

Два человека, один из которых был в белом халате, молча наблюдали за бесчувственным телом. Тело принадлежало крепкому темнокожему мужчине в белой форменной рубашке и с пустой кобурой на поясе, посаженному на стул с руками, заведёнными за спину и схваченными там полицейскими браслетами. Тело безмолвствовало и лишь только издало чуть слышимый стон, как тот, что в белом халате, привстал с кресла и поднял за подбородок голову арестованного. Убедился, что взгляд того начинает принимать осмысленное выражение, и сухо произнёс не оглядываясь:

– Он приходит в себя... остальных зовите.

Второй, в невзрачно-тёмном костюме, повторил эти слова по рации. Минуту спустя в помещение с пуленепробиваемыми окошками под потолком вошли несколько седовласых и представительных мужчин.

– Ну что?

– Секунду. – Тот, что в белом халате, со шприцем наготове оглянулся на руководство и, получив кивком разрешение, стянул темнокожему здоровяку жгутом руку повыше локтя и внутривенно ввёл содержимое шприца. Мужчина судорожно вздохнул, медленно выдохнул и неожиданно резко поднял голову:

– Где я? – Он попробовал встать, но намертво прикручен-

ный к полу стул и наручники смирили его порыв. Он обвёл взглядом окружающих:

– Что происходит?

Один из присутствующих, в котором арестованный узнал своего непосредственного начальника, спросил:

– Вы можете назвать своё имя и место работы?

– Ричард Джексон, служба охраны президента. Мистер Макларри, почему вы спрашиваете, я ведь работаю под вашим началом уже пятый год! Что, чёрт возьми, происходит?

Вместо ответа темнокожему охраннику снова был задан вопрос:

– Эти джентльмены – из отдела ФБР по спецрасследованию. Можете ли вы нам объяснить причины своих действий?

– Каких действий, мистер Макларри? Я не понимаю.

– Мистер Джексон, вы хорошо себя чувствуете?

– Нормально, только голова болит очень, но сейчас уже проходит...

– Мистер Джексон, вы можете сказать, что вы делали последние полтора часа?

– А сейчас сколько времени?

– Сейчас одиннадцать тридцать семь.

Темнокожий охранник задумался:

– Ровно в девять я заступил на свой пост. Помните, мистер Макларри, мы ещё поприветствовали друг друга...

– Дальше, что было дальше?

– Обычная процедура сдачи-приёма смены с напарником,

визуальный осмотр. Эти вечные туристы за забором да манифестанты с плакатом, потом... потом...

– Мистер Джексон, манифестанты были вчера, и то ближе к вечеру. Постарайтесь вспомнить, что было сегодня.

– Как вчера? Манифестанты были сегодня! Простите, сэр, но я никогда на память не жаловался.

– Ну хорошо, потом что?

– Потом... – Джексон долго молчал, вспоминая. – Потом я открыл глаза и увидел всех вас. Я что, потерял сознание на жаре?

Он снова поводил сильными руками, стиснутыми стальными браслетами. Дальнейший допрос стал проводить седовласый джентльмен в золотых очках, которого ни Джексон, ни Макларри раньше не видели.

– Значит, ровно в девять вы заступили на смену?

– Верно.

– Приём-сдача смены и прочие формальности – это примерно двадцать минут?

– Да, примерно так.

– Затем вы с напарником обсуждали вчерашний матч – вчера ведь был матч?

– Да, точно. Как вы узнали? Наши «Буйволам» накостыляли! Там ещё...

– Хорошо, с футболом понятно. Вернёмся к работе. Что происходило дальше?

– Дальше... Эти... как их... манифестанты. Подошёл ми-

стер Макларри и попросил меня выйти на улицу к ротонде, чтобы пресечь возможное хулиганство или провокации.

Макларри вмешался:

– Ричи, это было вчера.

Джентльмен в очках дал знак ему помолчать.

– Мистер Джексон, что вы сделали дальше?

– Что сделал... я обычно всегда выполняю указания начальства, особенно на такой работе, как наша.

– Поточнее, мистер Джексон.

– Я вышел на крыльцо ротонды перед лужайкой и встал за колонной, чтобы наблюдать за манифестантами.

– Колонна круглая – с какой стороны колонны вы остановились? Вспоминайте, мистер Джексон, вы утверждали, что не жалуется на память.

– Ммм... справа.

– Почему?

– Потому что там тень – наблюдать удобнее, солнце не слепит. Мистер... не знаю, как к вам обращаться... почему я арестован, и в чём меня, в конце концов, обвиняют?

– Вы точно уверены, что справа?

– Так же, как то, что вы сейчас стоите передо мной.

Седовласый вздохнул.

– Понимаете, мистер Джексон, то, о чём вы сейчас сказали, происходило, по вашим словам, утром – от девяти до десяти утра, верно?

– Да.

– Дело в том, что солнце в это время суток даёт тень с другой стороны, и чтобы укрыться в тени, вы должны были занять позицию не справа от колонны, а слева. Я не хочу уличать вас в неточностях, просто мистер Макларри прав: манифестанты были вчера и указание наблюдать за ними он давал тоже вчера... Доктор! – вдруг всполошился седовласый.

С арестованным случилось странное: голова его упала набок, правый глаз смотрел со смертельным ужасом, а левый бессмысленно потух, и зрачок его скатился куда-то в сторону, под веко. Открытый левый уголок рта безжизненно опустился, и из него тотчас потекла длинной тягучей каплей слюна. Арестованный пытался что-то сказать, но изо рта выходили только нечленораздельные мычащие звуки.

Всем стало не по себе. Подскочил доктор. Бегло осмотрев бывшего охранника, только и сказал, разведя руками:

– Похоже на паралич – обычно такое бывает при обширном инсульте...

А седой следователь в золотых очках разочарованно вздохнул и, обойдя вокруг стула с арестованным, медленно констатировал:

– Опять не успели. Ну что ж, засекаем время.

И вдруг чем-то заинтересовался:

– Мистер Макларри, насколько я знаю, на работу по охране первых лиц не берут людей с татуировками?

– Нет, мистер... э-э-э....

– Это не важно. Продолжайте.

– Пирсинг и татуировки строго запрещены контрактом.

– Теперь снимите с него наручники. Он не опасен. Уже.

Макларри щёлкнул браслетами, освобождая руки беспомощному арестованному. Следователь подхватил повисшую как плеть левую руку и притянул её к себе. Рука была тяжела и податлива.

– Макларри, взгляните сюда. – Следователь двумя руками приподнял и вытянул её поближе к свету. На кисти, на тыльной стороне ладони, в ложбинке между большим и указательным пальцами сквозь шоколадную африканскую кожу просматривались ещё более тёмные не то символы, не то буквы. Было понятно, что татуировка очень старая и её пытались выводить, но, судя по всему, неудачно – силуэты сохранились, хотя и недостаточно чётко. – Что это?

Сказать, что Макларри был удивлён, значит ничего не сказать:

– Этого не может быть... у него не было никаких татуировок!

– ...В сторону! – Это к доктору прибыло подкрепление с каталкой, капельницами и ассистентами. На раз-два-три перекинули больного на каталку. Кто-то держал руку на пульсе, кто-то закреплял на капельнице прозрачный пакет с физраствором. Следователь флегматично следил за секундной стрелкой на своих часах.

– Макларри, хотите фокус?

– Фокус? Какой ещё фокус?

Но тот его не слушал:

– Начинаем обратный отсчёт: четыре... три... два... один... ноль. Готово! И?

Однако ничего не произошло. Следователь удивлённо поднял голову на пациента, и тут прибор, отвечающий за частоту сердечных сокращений, поднял тревогу. Медики всполошились:

– Остановка сердца!..

– Дефибрилятор!..

– Адреналин...

– Давление...

– Пульс...

Надо отдать им должное: вели себя и действовали они чётко и слаженно – достойно профессионалов. Но всё было без толку. Сердце не запускалось. И после пяти минут очередных безуспешных попыток медики оставили эту затею, признав своё поражение. Арестованный умер. Все молчали. Медики ждали решения начальства: увозить ли тело в морг или с ним будут проводиться следственные действия прямо в комнате для допросов. Двое из спецотдела ФБР молча отвернулись и вышли за дверь, а седой следователь снова обратил внимание начальника охраны к полустёртой татуировке на руке умершего.

– Вы можете определить, что здесь было изображено? – Перед тем, как привлечь мистера Макларри, он щёлкнул изображение на свой телефон и проделал с ним какие-то ма-

нипуляции. Затем распорядился:

– Фотографа сюда... быстро!

И снова обратился к начальнику охраны президента:

– Мистер Макларри, вы можете определить, что это за символы?

Начальник охраны, потрясённый случившимся, безоговорочно подчинился. Он склонился над татуировкой и сказал:

– Первая – это, скорее всего, заглавная буква «би» (B), или «пи» (P), или маленькая b. Скорее всё-таки заглавная «би». Второй символ очень похож на литеру «эй» (A). Третий – это, несомненно, литера «эйч» (H), ну а четвёртый – это заглавная R, только перевёрнутая. Знаете, так любят делать подростки в некоторых кругах – переворачивать зеркально букву R.

– И что получилось?

– Смотрите. – Макларри извлёк из кармана блокнот и перевёл на него результат. – Литеры «би», «эй», «эйч» и перевернутая «эр» – ВАНR. Что это? Аббревиатура какой-то спецслужбы?

– Помечать агентов, чтобы их было проще узнать и разоблачить? Это несерьёзное предположение, мистер Макларри. Тем более десять минут назад вы были готовы поклясться, что у бедняги никогда не было никакой татуировки, – это ведь запрещено контрактом.

– Да, верно, но откуда же она взялась? Не мог же он её вчера нанести?

– Татуировка старая; кроме того, от неё пытались избавиться, и тоже очень давно. И ещё. Вчера, как мы знаем, играли наши с «Буйволами». Мистеру Джексону было не до татуировок – он был прикован к телевизору.

– Это очень странно: а утром он взял оружие и пошёл совершать покушение на первое лицо государства. А до этого – пять лет безупречной службы и безграничного доверия. Что происходит с этим миром, мистер спецагент?

– Это я и пытаюсь понять, мистер Макларри.

Появился фотограф-криминалист. Равнодушно поглядел на тело, поинтересовался у начальства:

– Всё как обычно?

– Да, и отдельно кисть левой руки с татуировкой.

– О'кей.

После того, как фотограф сделал несколько полагающихся по случаю снимков и медики получили команду забирать тело, фэбээровец спросил у начальника охраны:

– Мистер Макларри, вы могли бы мне устроить завтра встречу с президентом? Если возможно, то напрямую, минуя полагающуюся для этого процедуру? Эта встреча не входит в мою задачу, и я в курсе, что мои коллеги проводят сейчас все необходимые следственные мероприятия, но в интересах безопасности господина президента мне необходимо уточнить ряд нюансов произошедшего у него лично.

10.

За дверью находился стол с настольной лампой, за столом сидела пожилая тётка, которая что-то спросила. Ванька, не поняв ни слова, было замялся, но Бес в ухо ему сказал: «Просто кивни и иди дальше». Он так и сделал. Аватар ощущался иначе, чем то, к чему он привык в своём теле. Ванька был худой и жилистый, но спортсменом никогда не был. А тут каждой клеточкой чувствовалось крепкое натренированное тело, хотелось идти пружинистым шагом с лёгкой циничной улыбкой супермена и зубочисткой в зубах. «Рожу попроще сделай, ты не Шварценеггер!» Это Бес в ухо сказал. Навстречу попала эффе́ктная блондинка в деловом костюме и с папкой для бумаг. И когда они поравнялись, как-то странно на него посмотрела. «Быстро улыбнись!» Ванька так и сделал. Блондинка остановилась и стала смотреть ему вслед. «Сука, кажется, чего-то заподозрила». – «Видишь дверь с порталом? Спокойно заходишь и, пока одной рукой открываешь-закрываешь дверь, второй достаёшь пушку. Если тебя не грохнут за эти оставшиеся метры – считай, дело сделано. У босса своего оружия нет». По спине струился пот. «Ваня, не ссы, она только смотрит». – «Бля, рацию достала». – «Всё. Ты уже пришёл. Быстро заходи». Ванька повернул ручку двери и оказался внутри. Большой ковёр с американским орлом на полу, пара диванов дорогой корич-

невой кожи, журнальный столик по центру со свежими цветами в вазе и много старинных портретов на стенах. «Вот он, у окна».

Близ окна за старинным резным столом, нахмуренно и характерно выпятив чуть вперёд губы, изучал бумаги мастерски прорисованный бот, как две капли похожий на энергичного, хоть и весьма пожилого человека, которого американский народ избрал своим руководителем. Бот оторвался от бумаг, поднял удивлённое лицо и – Ванька был готов поклясться – сразу всё понял. Ваня взял его на мушку и подошёл к столу на расстояние гарантированного попадания. На столе стояло несколько семейных фотографий. Президент не шевелился и смотрел ему в глаза. Потом схватил со стола какой-то предмет и с яростью швырнул в Ваньку, в его смертельный пистолет, в его черномазую харю. Ванька, не опуская оружия и даже не глядя, поймал этот снаряд, удивлённо подумав о своём аватаре: «Фигасе, ловкий какой попался – сам бы я так не смог!» и автоматически убрал трофей в карман. А Бес в ухо надрывался: «Давай, сука, стреляй!» Но Ванька медлил. Он сам не понимал, что ему мешало выстрелить: то ли запах цветов в кабинете, то ли детские фотографии на столе. Прошло ещё сто тысяч лет этой пытки, пока Ванька не решил, что стрелять не будет. Бес со злостью, но уже спокойно сказал: «Мудак! Всё, доигрался – сюда уже бегут. Я тебя выключаю...»

11.

Следующим утром, почти ровно через сутки после попытки покушения, агент спецотдела ФБР сидел в кресле для посетителей и с любопытством рассматривал интерьер Овального кабинета, знакомый лишь по фотографиям и телерепортажам. (Когда ещё снова придется побывать!) Президент стоял возле окна, отодвинув рукой портьеру, и отрешённо всматривался вдаль, словно пытаюсь разглядеть что-то очень важное.

– ...Я работал. Вот за этим столом. – Он кивнул, не поворачиваясь, на легендарный «Резолют». – Я много думал о произошедшем. И вчера, и сегодня. Подспудно любой человек на этом посту понимает, что в любой момент может стать жертвой покушения. И я не исключение. Невозможно быть хорошим для всех. И вы это лучше меня знаете – за это вам и платят. Люди не меняются, и я всегда чётко понимал, что должность президента – это мишень. Но знаете, что меня беспокоит больше? Непостижимая странность произошедшего. Я этого охранника хорошо знал. Вчера утром его видел. Мы даже поприветствовали друг друга. Так принято. А через полчаса он вошёл ко мне в кабинет с оружием в руках... В моём представлении это не вяжется.

Президент замолчал. После паузы заговорил фэбээровец, спросил:

– Господин президент, про момент появления Джексона расскажите максимально подробно. Вы упомянули про некую странность. В чём она состояла? Может быть, вам удалось что-то вспомнить, о чём вчера вы не сказали? Может быть, у вас за ночь возникли какие-нибудь мысли по этому поводу, или предположения, пусть даже самые невероятные? Мне важна любая деталь.

Президент оторвался от разглядывания пейзажа за окном и посмотрел на следователя:

– Сам Джексон был странным.

– Простите, а в чём эта странность проявилась?

– То, как он шёл и как себя вёл. Джексон – бывший «морской котик», у него походка подтянутая, как у любого военного, а вчера он шёл иначе: осторожно и неуверенно. Кроме того, он, хоть и держал меня на мушке, но глазами вертел по сторонам, словно впервые попал в Овальный кабинет и раритеты на стенах ему в диковинку. Как и вам, к примеру.

Следователь смутился:

– Простите, но я первый раз в Белом доме – вряд ли когда-нибудь придётся побывать здесь снова.

– Вот-вот, в первый раз... Вы не смущайтесь, это особое место – здесь все в первый раз ведут себя с любопытством. И он также... Смотрел кругом, словно ничего этого никогда не видел.

– И?

– Вы знаете, страха не было. Я почему-то сразу понял,

что происходит. Эмоций не было вообще. Говорят, в минуту смертельной опасности у человека вся жизнь перед глазами проходит. У меня не так. Всё было спокойно, как сейчас, но только тогда на меня был ещё направлен пистолет. Да, вот что! Вчера в суматохе я этого не осознавал, а агентов, что восстанавливали картину нападения, волновали внешние детали, да и мне то, что я хочу сейчас сказать, представлялось вчера несущественным и казалось результатом стресса.

Президент снова замолчал, что-то обдумывая или вспоминая.

– Мне вчера показалось, что время остановилось. Или чудовищно замедлилось. Перед столом Джонсон остановился, и мы долго, бесконечно долго смотрели друг другу в глаза. Так долго, что я не выдержал этой пытки, схватил со стола то, что под руку попало, и бросил в него... Стоп! Может быть, всё же... – Президент повернулся к столу и пошарил по вороху бумаг, что в беспорядке – видимо, со времени покушения – были разбросаны по столу. Медленно сел в президентское кресло, попеременно открыл один за другим ящики стола и так же медленно произнёс:

– Нету.

– Что случилось, господин президент?

Вместо ответа президент ещё раз перевернул бумаги со стола, переставил с места на место телефон правительственной связи.

– Печать.

– Что печать?

– Я бросил в него большую печать Соединённых Штатов.

– Ту самую? Реликвию?

– Ту самую, с двумя оттисками. А что мне оставалось делать? Безропотно ждать смерти, как агнец на заклании? Наверное, да. А так схватил, что попало под руку.

– Понимаю... А он что?

– Он мой снаряд поймал и почему-то медлил, не стрелял. Потом опустил пистолет и явственно произнёс слово «СЕТЬ». Что это значит – ума не приложу. И сразу его взгляд потух, и он как подкошенный рухнул прямо перед столом. Началась суматоха, прибежали люди. Подбежали, спрашивали, всё ли в порядке. Я охране показываю на него, говорю: «У него печать». А стали его обыскивать – нет ничего. Себя я чувствовал, как механическая кукла, – мыслей нет, эмоций нет. Попытался выйти из-за стола, но не смог – колени подгибались...

– От сильного стресса – такое не редкость, господин президент.

– ...Мне помогли встать, по требованию охраны мы спустились в бункер. А печать так и не нашли. Обшарили весь Овальный кабинет, потом весь дом. Печать, да ещё в футляре – это не иголка.

– В карманах арестованного тоже ничего не было.

– Я знаю: его обшарили первого, сразу. И эта подозрительная, нелепая смерть...

– Как раз это в порядке вещей. От исполнителей избавляются. Всегда. Вспомните Ли Харви Освальда.

– Да, но того пристрелили, а здесь что случилось? Он был отравлен? Что за препарат ему ввели?

– Абсолютно безопасное сильное тонизирующее средство. Дело не в препарате. Этого человека просто отключили.

– Как это?

– Отключили от жизни за ненадобностью. У него не было шансов. Он при любом раскладе был бы убит. И если бы покушение удалось – к счастью, этого не произошло, – или же, в нашем случае, как не оправдавшего ожиданий. Мы сталкиваемся с таким уже не первый раз.

– «Мы» – это кто?

– ФБР. Точнее – наш отдел. Есть указание всем отделам, всем подразделениям полиции, что, если где-то люди умирают при странных обстоятельствах, или происходят события, которым нет логического объяснения, или в случае внезапного кардинального изменения поведения адекватных в прошлом людей (как вчера, к примеру), то отправлять информацию к нам. Мы собираем статистику и пытаемся систематизировать полученные данные, чтобы в конечном итоге понять, что происходит.

– И что, много в нашей жизни такого... э-э-э... необъяснимого?

– Не хочу вас расстраивать, господин президент, но работы нам хватает. Правда, много информационного шума,

но сейчас мы научились его фильтровать, и база собранных фактов достаточно объективна.

– На основании собранных данных можно ли делать уже какие-нибудь выводы? Объяснить, как человек, которому безоговорочно доверяли, решился на убийство? И куда пропала печать? Возврат этой реликвии – это вопрос государственной важности. Она пропала здесь. Хотя по регламенту должна находиться у госсекретаря. Он хранитель большой печати. Я боюсь, что это нарушение может нам обоим стоить карьеры, но это просто мелочь по сравнению с последствиями, которые могут наступить, если она не отыщется.

– Мистер президент, версия, которой я придерживаюсь, несколько фантастична для человека, не знакомого с реальным положением вещей. И в подобную трактовку событий очень трудно поверить, но это напрямую касается как вашей безопасности, так и безопасности страны. Именно поэтому я настоятельно просил о встрече с вами. Кстати, прежний президент считал себя сторонником научного прогресса (в его понимании, конечно), с недоверием относился к нашей работе и считал, что мы напрасно тратим государственные деньги...

– Давайте уже ближе к делу.

– Мистер президент, на основании собранных данных уже сейчас можно сказать, что, помимо известных физических законов, существует некая сила (или силы), способная даже временно изменять базовые законы природы, происхожде-

ние которой пока непонятно, причём достаточно недобрая к людям. Вернее, она – эта сила – использует людей для каких-то своих целей, считаясь с ними не больше, чем сами люди считаются с назойливыми насекомыми. Эта сила способна на многое. Например, воздействовать на сознание людей, подчинять его и управлять им. Правда, не всегда и не всех. Вчерашнее покушение наглядно это продемонстрировало. Несомненно, сознание охранника было перехвачено – я так это называю, – но до конца подчинить его она, эта сила (или, может быть, они, то есть силы) так и не смогла. Ведь в самый последний момент он опустил оружие и отказался стрелять...

– Он ещё явственно сказал: «СЕТЬ»...

– Мы к этой фразе ещё вернёмся. Это решение – а оно требует определённого мужества – его и погубило. Как только кому-то стало ясно, что подопытного нельзя заставить стрелять, его выключили, как ставшее ненужным устройство, – он рухнул, словно мешок, у вас перед столом. И потом грубо перетасовали память...

– Кто, кто выключил?

– Этого я пока, к сожалению, не знаю... А когда подлог мне и мистеру Макларри стал очевиден, кем-то было решено отключить ему жизненно важные функции. Я с такими вещами уже сталкивался. Программ уничтожения в таких случаях, как удалось определить, немного. И все они незатейливы. Главное в них одно: человек с захваченным сознани-

ем совершает неадекватные поступки – в нашем случае стал киллером, – а после выполнения задания нейтрализуется. Но становиться киллером – это не обязательно. В принципе, его могут заставить делать всё что угодно, ненужную память потом стереть, а освободившееся место заполнить тем, что называют каждодневной рутинной. Подопытный живёт себе спокойно дальше, ни о чём не подозревая. Но это только в том случае, если содеянное можно скрыть. Впрочем, и о тайне тоже не всегда заботятся. Важность событий и реакция на них у этой... э-э-э... субстанции лежат зачастую вне человеческой логики. Ясно одно: если же подопытного считают очень опасным – его уничтожают. Либо провоцируют на суицид, а если он не поддаётся – я об этом ещё отдельно скажу, – инсультом блокируют высшую нервную деятельность; а если этого недостаточно, то через две минуты – инфаркт и остановка сердца. Так поступили с мистером Джексоном.

– Как? Как это возможно?

– Мистер президент, человек хрупок, а я работаю в организации, которая знает об этом очень хорошо. Если позволите, я продолжу... Надо признаться, в его случае есть один нюанс, с которым мне не приходилось сталкиваться. У него на руке обнаружили татуировку. Четыре буквенных символа. Татуировка старая, причём когда-то была неудачная попытка её свести. На коже в этом месте – грубый шрам, но буквы всё равно остались разборчивы. Мистер Макларри не верил своим глазам, потому что, во-первых, пирсинг и тату-

ировки запрещены контрактом, а во-вторых, он готов был поклясться, что никакой татуировки до вчерашнего дня у Джексона не было. Дальше начинаются чудеса. Файлы с фотографиями, на которых она была зафиксирована, были скопированы на компьютер, который вечером загорелся – короткое замыкание в блоке питания. Словно компьютеры в ФБР – с китайской помойки. Самого фотографа неизвестные ограбили и избили по дороге домой. Фотоаппарат – не из дешёвых – пропал вместе с бумажником, а сам он, с перевязанной головой, уже не помнит ни о какой татуировке. Я настоял спуститься в морг и там выглядел полным идиотом – татуировка с тела исчезла, как не было! А перед нашей встречей, уже здесь, в Белом доме, я попросил мистера Макларри вспомнить вчерашний день. Он, в принципе, верно всё запомнил, но когда я спросил, что он скажет о татуировке на руке его бывшего подчинённого, он очень удивился и решил, что я что-то путаю, потому что условиями контракта, бла-бла-бла и так далее, по тексту. Другой человек на моём месте уже подумал бы относительно себя: а не пора ли врачу показаться – с такими странными видениями и такими навязчивыми вопросами? Но у меня есть хорошая профессиональная привычка записывать важные события и разговоры на телефон. Правда, с такой работой эта привычка всё больше принимает параноидальную форму, потому что особо важные данные я, вдобавок ко всему, шифрую и отправляю в облако. Но иногда привычка себя оправдывает. Вчера

вечером мой телефон мирно лежал на столе – и вдруг ни с того ни с сего упал на пол. Поднял – не работает. Обратился в сервис – говорят: зачем вы его отформатировали? Уверяю: со стола упал – не верят! Если бы не облако... Господин президент, взгляните на это и послушайте.

Президент осторожно вставил наушник гарнитуры в ухо и уставился в переданный ему экран.

– Если всё обстоит так, как вы говорите, почему и этот материал не был уничтожен?

– Не знаю, вариантов масса. Может быть, всерьёз нас не воспринимают, может быть, они не настолько умны, чтобы всё предусмотреть, может быть, кому-то просто лень глубоко рыть, да может быть всё что угодно.

– Вы показывали эту запись начальнику охраны?

– Нет – кто знает, к каким последствиям это может привести. Выяснилось, что он тоже внушаем, возможно, что и не в такой степени, как Джексон. Но всё же. Зачем нам ещё один труп?

– А у вас есть предположения, что означают эти литеры на татуировке?

– Литеры... – Следователь задумался. – Джексон произнёс «СЕТЬ» прямо перед тем как упасть?

– Верно. Сказал и тут же рухнул.

– Господин президент, боюсь ошибиться и понимаю возможные последствия такой ошибки, но у меня возникло предположение, что эти буквы на руке – не латинские.

– А какие же?

– Это может быть кириллица. И означают они имя. Типичное русское имя Ваня. Полное написание – Иван. И ни про какую сеть речи не было. В русском и в ряде других славянских языков произношение слова НЕТ созвучно с английским СЕТЬ. Возможно, что Джексон во время транса пытался вести с кем-то диалог, возможно, его держали в неведении относительно его задачи...

– Но почему по-русски? Какое отношение простой охранник может иметь к ним? Он и пары слов по-русски не знал. Получается, что к покушению на меня приложили руку русские? Неужели правы эти маразматика из сената, которые утверждают, что Америка под колпаком у Путина? И неужели КГБ владеет такими адскими технологиями, способными управлять людьми на расстоянии и делать из них убийц?

– Не думаю, господин президент. И у русских есть схожие проблемы, и тоже существует служба, подобная нашей. Пока наши отношения не были столь напряжёнными и шёл обмен информацией, мы знали об их озабоченности в этой области. Начиная с Чернобыльской аварии. Ведь тогда очень много компетентных людей – и дежурные сотрудники станции, и лица, отвечающие за безопасность – сначала отключили все системы безопасности, а затем искусственно стали создавать аварийную ситуацию, отключив охлаждение реактора, как бы в качестве плановой проверки. Хотя они, как никто, должны были знать, к чему это может привести. По-

лучается, что они сами, своими же руками довели реактор до взрыва. Налицо факт массового воздействия на психику. У русских тогда было предположение, что эти события – результат применения нами психотропного оружия.

– Наличие проблем у конкурентов – не повод для собственной беспечности.

– Вы правы, господин президент, но и не почва для необоснованных обвинений. Думаю, ни одна страна в мире не владеет технологиями, позволяющими останавливать или менять действия законов природы. И вряд ли вообще можно говорить о каких-либо технологиях. С человеческой точки зрения, конечно.

– Так с чем же тогда мы имеем дело? С пришельцами? Или с нечистой силой? С чем? А вы уверены, что всё вообще обстоит именно так? До вас я беседовал с психологами – задавал им тот же вопрос о причинах и мотивах. Так они бойко поведали, что причиной покушения могут быть и детская сексуальная травма, и конфликты в семье, перешедшие в навязчивую идею. Хотелось спросить: ребята, вы же сами досконально проверяли его психику, принимая на работу! Охрана в Белом доме – работа серьёзная. Значит, никаких нареканий этот человек у вас не вызывал?

– Господин президент, не хочу ничего плохого сказать о работе психологов – думаю, они деньги не зря получают, но объяснять всё только детскими травмами, на мой взгляд, недостаточно Мир слишком сложен, чтобы давать однознач-

ные оценки. Версию же с нечистой силой следует оставить церкви – сейчас, слава Богу, не Средние века. А вот идею про внеземную жизнь я бы отметить не стал. Голливуд приучил нас к представлению о пришельцах как о марсианах на треножниках с лучами смерти, но в реальности они могут быть какими угодно. Хоть плесенью на стенах, хоть mosquito-ным роем или дождевой тучей. Впрочем, это только предположение. Пока что я предпочитаю называть эту силу просто «ЯВЛЕНИЕ». И она может выглядеть как угодно.

– Значит, вы настаиваете на внешнем воздействии?

– Нет, не настаиваю. Но такая трактовка позволяет хоть как-то увязать цепь событий в единое целое. И необъяснимое поведение адекватного в прошлом охранника, и его смерть без видимых причин.

– Результаты вскрытия уже известны?

– Да. Обширное кровоизлияние в мозг и ровно через две минуты – остановка сердца вследствие острой сердечной недостаточности. Медицина почти всегда отвечает на вопрос, что произошло, но крайне редко – по какой причине.

– Вы сделали акцент на времени. Почему две минуты? Отчего такая точность?

– Статистика, господин президент. Было несколько случаев, когда полиции удавалось задерживать неадекватного убийцу, и всякий раз при попытке допроса осуществлялся один и тот же сценарий. Видимо, это одна из программ уничтожения, о которых я уже упоминал, внедрённая извне в

мозг потенциального убийцы. Но это что касается киллеров поневоле, когда Явление так грубо замечает следы своего присутствия, что это сразу бросается в глаза. Если нет большой срочности зачистки, существует такое безотказное средство, как рак. Небольшое и незатратное изменение на генном уровне, которое носит скорее программный характер, – и организм неудобного по какой-то причине человека начинает сам себя убивать. Дёшево и сердито. И в крайних, в очень крайних случаях людей просто превращают в пыль. И не обязательно занимающих важные посты. Человек, к примеру, ложится вечером спать, а утром на постели – горстка пепла или, лучше сказать, пыли. Недавно была резонансная история с канадскими лесорубами – вы, наверное, слышали? Когда бесследно исчезла бригада.

– Что-то приходилось слышать. Но мне некогда интересоваться жёлтыми новостями. Каких только небылиц эти мерзавцы не насочиняют!

– Понимаю вас, но там всё просто. Простые ребята, просто легли спать. А утром не вышли на работу. Исчезли. Бесследно. В спальнях мешках осталось носимое бельё – трусы, майка. Вся обувь и верхняя одежда на месте. Ушли ночью на мороз? Голые? Все были в шоке. Полиция безуспешно искала следы. Мы предложили канадским копам помощь. Те с радостью согласились. Исследовали спальные мешки – обнаружили внутри чёрно-серую пыль. Мелкую, как тонер для принтеров. По составу эта пыль оказалась невероятно

чистым углеродом – девяносто восемь процентов, – химики удивлялись. Связались с канадцами, спрашиваем насчёт этой пыли. Они мнутя, говорят, что да, была пыль, но мы вытряхнули её в снег, потому что неудобно было в ФБР отпирать спальные мешки с таким количеством земли внутри. «Да какая земля зимой? У вас снег шесть месяцев в году!» – «Да, верно, но ребята ведь были лесорубы, а они, в принципе, не самые аккуратные люди на свете». Спрашиваем: сколько земли вытрясли? Отвечают: примерно килограмм из каждого мешка. А килограмм – это то, что остаётся в сухом остатке от человека после кремации. Но. Если просто сжечь тело, то пепел грязный. В нём много всяких примесей и микроэлементов. Получается, что этих бедолаг не сжигали – да и постель осталась нетронутой огнём, – а преобразовали в чистый угольный порошок. Но это, пожалуй, экзотика – применяется редко.

– Зачем? И как такое возможно?

– Зачем этим тварям понадобились лесорубы? Это надо у них спросить. Логика тут мало. Впрочем, полиция приостановила лесозаготовительные работы на том участке до выяснения причин. Может, дело в этом? Может быть, не надо там лес рубить?

– Не иначе как Гринпис замешан. – Президент впервые за утро пошутил. Он вообще отличался несколько циничным чувством юмора, и фэбээровец ему поддакнул:

– Видимо, так проще бороться за окружающую среду.

Поддакнул и продолжил:

– И это лишь малая часть из того, что происходит в последнее время. Иногда критерии событий, с точки зрения людей, логичны, но чаще всего нет. Порой создаётся впечатление, что человечество просто путается у кого-то под ногами. Возможности же у этих тварей почти безграничны. Но вот с ресурсами туговато. Основное правило – делать грязную работу чужими руками. Полагаю, так менее затратно. Впрочем, нередко люди тоже так поступают. Заставить кого-то что-то делать, внушить нужную мысль или стереть память проще, чем, скажем, физически обвалить здесь, в Овальном кабинете, потолок. Хотя обвалить потолок они тоже способны. И не только. Вспомните одиннадцатое сентября. Но это требует бóльших ресурсов, бóльших затрат энергии, а эти ребята, если можно их так назвать, не любят лишних расходов и совершают их только тогда, когда этого нельзя избежать. Если какой-то человек является помехой или представляет опасность, сначала делается попытка изменить его сознание в нужном ключе. Причём работают грубо, расчёт идёт на жадность, страх и другие низменные инстинкты. Если это не получается (а у них не всегда получается – видимо, потому, что люди всё-таки не свиньи, вернее – не всегда свиньи), то делается попытка влиять в том же духе на окружение человека. И только если и это по каким-либо причинам не удаётся, в ход могут пойти физические методы воздействия. Но и то не всегда. Если усилия и затраты по ней-

трализации человека превышают негативные последствия от его действий или даже мыслей – опасных, с их точки зрения, конечно, – его могут даже временно оставить в покое.

Президент, подперев подбородок тыльными сторонами ладоней, внимательно слушал, глядя не на собеседника, а куда-то в пространство, сквозь стены с портретами основателей американского государства и картинами на сюжеты важнейших исторических событий. А слушать он умел.

– И что, любого можно заставить делать всё что угодно?

– Почти. Вас нельзя.

– Почему?

– Ваша работа связана с принятием важных решений, и кому-то не терпится взять это дело под контроль. Если подослали убийцу – значит, влиять напрямую на вас невозможно. Семья с вами заодно. Вой прессы и TV на вас тоже не действует. И то единодушие, с которым и конгресс, и сенат хотят вас утопить, говорит о многом. Видимо, последствия решений – и тех, что вы уже приняли, и тех, что вы только собираетесь принять, а возможно, и таких, которые не стоят ещё на повестке дня и о которых вы даже и не догадываетесь, – вызывают опасения.

– У кого?

– Если б я знал... Трудно уловить закономерности там, где может произойти всё что угодно. С достаточной вероятностью можно говорить лишь о том, где действуют люди, а где людей просто используют, как марионеток. Но грань весьма

зыбкая.

– А одиннадцатое?

– Что одиннадцатое?

– Одиннадцатое сентября. Вы упомянули про одиннадцатое сентября.

– Господин президент, это будет очень долгий рассказ, я постараюсь прислать вам материалы с нашим исследованием. К официальным выводам оно не имеет ни малейшего отношения.

– Согласен. Официальные выводы смехотворны. Любой непредвзятый и здравомыслящий человек никогда не сможет поверить, что дюралевый самолёт способен пронзить прочнейшие стальные колонны, как горячий нож сливочное масло. И обрушить их потом, как карточный домик.

– Вы правы: версия с самолётами несостоятельна. А материалы прислать постараюсь. Постараюсь, потому что не могу знать, как наши, – фэбээровец изобразил кривую улыбку, – в кавычках «друзья» отнесутся к подобному обстоятельству. Могут возникнуть проблемы с доставкой.

– Это всё любопытно, но сейчас меня больше волнует, где искать пропавшую печать.

– Пока не знаю, господин президент, но уверяю вас, что приложу все силы для поиска.

– Постарайтесь это делать негласно...

И когда фэбээровец, распрощавшись, подходил к дверям, президент снова его окликнул:

– Как, как в таких условиях работать, если никому нельзя доверять, а результат может быть непредсказуем?

– Я не вправе давать вам советы, но полагаю, что вы должны чувствовать это интуитивно. Извините за банальность, но если ваши действия встречают бешеное сопротивление со всех сторон, велика вероятность, что вы на правильном пути. А если что-то идёт как по маслу, то есть повод задуматься, усомниться и всё ещё раз перепроверить. И старый рыцарский девиз – «Делай, что должно, – и будь, что будет» – актуален сегодня как никогда.

12.

Сначала не было ничего. Ни верха, ни низа, ни права, ни лева – ничего. Отсутствовало время, не было пространства и света. Чёрное, густое и бесконечное небытие. Но потом в нём стали появляться и тут же исчезать какие-то невнятные образы, обрывки событий. Какие-то пожилые и темнокожие, но до боли знакомые люди пели тягучую песню на незнакомом языке. Было тепло, солнечно и хорошо, как в детстве. На реке гудел колёсный пароход. Как раньше. «Ба, ты где была?» – узнал он в пожилой, толстой, завёрнутой в пёструю одежду негритянке свою бабушку. «Проходи, Ричи, наконец-то мы все вместе». – Бабушка лучилась своей доброй улыбкой. «А где это мы?» И вдруг вспомнил: «Мне же надо на работу...» – «У тебя теперь будет другая работа, не переживай. Я так рада, что тебя убили...» – «Убили? Когда? Я же живой!» – «Я так боялась, что тебя больше никогда не увижу, – ты ведь столько зла совершил, когда на войну пошёл. Ведь если бы ты сам по себе умер... – Она замолчала и заплакала, но тут же вытерла слёзы и сказала: – Они простили тебя», и указала на группу людей, которые приветствовали его неподалёку. «Кто это?» – «Это те, кого ты убил на войне». Ричи хотел протянуть руки, чтобы обнять бабушку, но не смог, потому что держался ими за руль. Руки были почему-то женские. Красивые и белые, с тонкими паль-

цами в явно дорогих украшениях и разноцветным маникюром на длинных ногтях. Бабушка осталась за стеклом, которое быстро покрывалось сетью трещин. И прежде, чем руль вспухнул бесформенным белым мешком и ударил его по лицу, он успел заметить пару своих стройных ножек, обтянутых дорогим красным платьем с блёстками. Когда это красивое тело без сознания повисло на ремнях безопасности, он не стал удивляться, а просто поднялся сквозь груды искорёженного металла, бывшего раньше дорогим автомобилем. На дороге валялась одинокая женская туфля на высоком каблучке со шпилькой. Ричи вспомнил, как мистер Макларри, будучи в юности на работе в дорожной полиции, рассказывал, что если на дороге после ДТП валяется обувь, то её хозяин точно труп. «Непорядок, – решил Ричи. – Она ведь пока что жива». Это он знал точно. Подобрал обувь, прямо сквозь металл просунул руку с туфлей туда, где, зажата смятой стойкой, находилась босая ступня. «Это же так просто – почему раньше не догадывался, что так можно?» Туфля пришлась впору. Но что-то ещё, давно забытое, беспокоило его сознание. «Точно – ей же, наверное, больно!» Он легко, как пластилиновое, отогнул смятое в аварии железо и освободил ногу. «Вот теперь хорошо», – подумал Ричи и, довольный собой, пошёл искать бабушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.